

E. Lyutova

MEANS OF EXPRESSION PHASAL MEANING IN IMPERSONAL MONONUCLEAR SENTENCE

Abstract: The paper deals with impersonal mononuclear sentence with phasal semantics (cessation of action) in Russian language. Means of expression phasal meaning

has been learnt by different linguists but without distinguishing between mononuclear and binominal sentences. It is necessary to make such distinction.

Key words: syntax, impersonal sentence, auxiliary verb, phasal, phinitive (phinit) value.

УДК 81'373.612.2

Мельниченко Н.П.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ ПРИ ОПИСАНИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ИДИОСТИЛЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Аннотации: В основе метафорических переносов, используемых в языке при описании отрицательных эмоций, лежат разнообразие и противоречивые образы. Самым распространенным в идиостиле Ф. М. Достоевского, как и в общенародном языке, является образ жара, огня. Но имеется и своеобразие в концептуализации отрицательных эмоций: наличие положительных коннотаций при описании эмоции гнева, ряд излюбленных образов и др.

Ключевые слова: метафорический перенос, идиостиль, концепт, концептуализация.

Эмоции как элемент человеческой психики субъективны, что затрудняет их вербализацию, поэтому они часто выражаются при помощи метафор. Это обнаруживается в сочетаемости лексики эмоций с метафорически переосмысленными лексемами.

Эмоциональные метафоры не раз были предметом изучения лингвистов. Широко известны исследования Дж. Лакова и М. Джонсона, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. Ю. Апресян и др.

В данной статье рассматриваются метафорические переносы, при помощи которых происходит концептуализация в языке эмоций группы *гнев* (гнев, злоба, злость). Исследование опирается на материал основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (слово *гнев* – 2242 документа, 13716 вхождений, слово *злоба* –

1892 документа, 10964 вхождения, слово *злость* – 1277 документов, 5702 вхождения), а также выборку по электронным версиям произведений Ф. М. Достоевского (1857 контекстов, 39 источников).

Эмоции гнева, злобы и злости находят лингвистическое выражение в физиологических, когнитивных, культурных метафорах (классификация В.Ю. Апресян [1: 11]).

Метафорические переносы, при помощи которых описываются отрицательные эмоции, чрезвычайно разнообразны, в их основе лежат противоречащие друг другу образы, например, огонь – вода.

Отрицательные эмоции представляются как огонь: *Не жги меня в пепел своим гневом!* (А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур); *Живая, трепетная радуга тех чувств, которые именуется любовью, выцветала в душе моей, всё чаще вспыхивали угарные синие огоньки злости на всё, тлело в сердце чувство тяжкого недовольства, сознание одиночества в этой серой, безжизненной чепухе* (М. Горький. Детство); *Душу жгло какое-то новое чувство, которого я прежде не испытывал, – это была злоба* (Скиталец (С. Г. Петров). Сквозь строй). Метафора ГНЕВ – ОГОНЬ, ГНЕВ – ЖАР характерна для языка в целом и находит отражение в творчестве Ф.М. Достоевского, герои которого живут в рамках тотального трагического отношения к действительности [7: 24], горя в горниле своих страстей: *И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия* (Ф. Достоевс-

* © Мельниченко Н.П.

кий. Братья Карамазовы); *Наконец в сердце моем загорелась злоба* (Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1873 год).

Такого рода ассоциации отмечал Г. О. Винокур: «В особенности интересно следующее рассуждение Матвея Кожемякина у Горького:

“Вспомнилось, как однажды слово *гнев* встало почему-то рядом со словом “*огонь*” и наполнило усталую в одиночестве душу угнетающей печалью. “*Гнев*, – сообщал он, – *прогневаться, огневаться*, – вот он откуда, *гнев*, – из огня! У кого огонь в душе горит, тот и *гневен* бывает. А я бывал ли *гневен*-то? Нет во мне *огня*”.

Излишне добавлять, что этимологически нет никакой связи между словами *ясень* и *ясно*, *гнев* и *огонь*» [6: 30-31].

Гораздо реже для слов, называющих эмоций группы *гнев*, источником метафорического переноса выступает холод: *Но Искарриот смотрел спокойно, а Анну уже начала покалывать тихая злость, сухая и холодная, как предутренний иней зимою* (Л. Андреев. Иуда Искарриот); *Помимо этой грандиозной картины истребления жителей государства, не можем не припомнить проявления холодной злобы, ненависти, издевательства и злорадства в мелких приемах при казни тех или других лиц...* (П. Ковалевский. Иоанн Грозный); *Пусть же холодом неутоленного гнева наполнится песня* (М. Шагинян. Перемена).

Такого рода метафорические переносы можно отметить и в произведениях Ф. М. Достоевского, но сочетаемость имен эмоций с лексемами со значением ‘холод’ в идиостиле писателя характерна лишь для слов *злоба* и *злость*: *Такая ожесточенная адская злоба врагов его и особенно последней доказательство этой злобы оледенили сердце господина Голядкина* (Ф. Достоевский. Двойник); *Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековую злость* (Ф. Достоевский. Записки из подполья).

Прилагательное *холодный* может выступать синонимом прилагательного *разумный*, а отрицательные эмоции, проявляемые сознательно, представляются писателю не имеющими оправдания: *Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но зло-*

ба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, – разумная, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть (Ф. Достоевский. Бесы).

Гнев как эмоция, наименее подвластная контролю разума, не концептуализируется в идиостиле писателя при помощи метафорического переноса, источником которого является образ холода.

Еще одним характерным для языка средством выражения отрицательных эмоций является метафорический перенос наименований природных стихий, явлений природы. Гнев, злоба, злость представляются как неконтролируемые, самодовлеющие величины, что обуславливает представления о чувствах как о буре [Арутюнова Н. Д. 1976, 105]: *В такие часы Самгин ощущал, что его наполняет и раздувает ветер унылой злости на всех людей и даже – немало – на себя самого* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2); *Затем начинался самый «шторм», доходивший иногда до степени «урагана», если вспыльчивый гнев адмирала поднимался до высшего предела, когда у Снежкова начинало болеть под ложечкой, а у некоторых дрожали поджилки и замирали сердца* (К. Станюкович. Беспокойный адмирал).

В идиостиле Ф. М. Достоевского данный метафорический перенос реализуется в сочетаемости имен эмоций с существительным *порыв*: *Эффект был быстрый и поразительный: в толпе раздался ропот, но он выражал скорее печаль, чем порывы гнева* (Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1873 год).

Эти метафорические переносы при выражении эмоций группы *гнев* универсальны для языка в целом, они не являются специфическими только для русской культуры. Ср.: «Различные достоинства души получают название то от бури, как скандинавское *odr* – дух, ум, а также и ярость, гнев; то от огня, как в сербской поэзии живым огнем называется гнев: «оставила сердце у матери, а живой огонь у братьев» (33; 48), то от холода, как у нас *зазноба*, или, как в песнях древней Эдды, *холод* вместо *злобы*: «холодны мне твои советы» (Песнь о Волунде)» [5].

Отрицательные эмоции уподобляются жидкости, обычно горькой или даже вредоносной (яд), могут ассоциироваться

со спиртным напитком, так как подобно вину лишают человека способности трезво мыслить. Проявление сильных эмоций описывается при помощи образа кипящей влаги [4: 389]: *Вслед за этим выходят семь Ангелов, держащих семь фиалов гнева Божия, и изливают их на землю* (В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского); *Обливаясь потом и злостью, вспоминаю, что в XVI веке Москва была «немного поболее Лондона»* (А. Мариенгоф. Циники); *Целых полгода служил он плотником против народного движения и гнева* (Н. Суханов. Записки о революции / Книга 6); *Они хотя с ними обходятся и ласково; но в сердце своем скрывают яд злобы* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю блудного сына).

У Ф. М. Достоевского: *Он чуть не захлебнулся от злобы на себя самого, только что переступил порог Разумихина* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековую злость* (Ф. Достоевский. Записки из подполья).

При описании эмоции гнева данный метафорический перенос не был отмечен в творчестве писателя, за исключением следующего примера: *Она находила потребность в непрерывном излиянии своего гнева на Афанасья Матвееча, потому что тиранья есть привычка, обращающаяся в потребность* (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон).

Отрицательные эмоции группы гнев могут также уподобляться голоду, жажде: *И вот страсть, гнев получают новую пищу, получают оправдание* (С. Соловьев. Петровские чтения); *Они предполагают не радостное и доверчивое, а угнетенное настроение приносящих – угнетенное несомненным божьим гневом, неутоленными никакими молебствиями* (Ф. Зелинский. Древнегреческая религия); *Самые низкие и презренные личности, существа, которым и под присягой никто бы не поверил, имеют полную возможность тайными обвинениями и лживыми разоблачениями насытить злобу, порожденную завистью, или отплатить за воображаемые обиды* (С. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей).

Ср. у Ф. М. Достоевского: *И один лишь сей вопрос, повторяясь постепенно, породил наконец целую бездну самой ненасытимой злобы* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

И наоборот, данные эмоции могут утолять голод и жажду, возникает ассоциативная параллель *сердце – желудок*: *Ночью в темноте рыдаю в подушку и все это передумаю, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю*: “Уж я ж ему, уж я ж ему отплачу!” (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Один пирог так совсем на пол кинул и растоптал. Я и сказала: “сторожу оставляю; коли не съешь до вечера, значит, тебя злость эхидная кормит!” с тем и ушла* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Вспомни, что она, сумасшедшая, говорила Нелли уже на смертном одре: не ходи к ним, работай, погибни, но не ходи к ним, кто бы ни звал тебя (то есть она и тут мечтала еще, что ее позовут, а следовательно, будет случай отомстить еще раз, подавить презрением зовущего, – одним словом, кормила себя вместо хлеба злобной мечтой)* (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Данный метафорический перенос также не характерен для описания эмоции гнева.

Люди часто представляют отрицательные эмоции как враждебную силу, приписывая гневу, злобе и злости черты живого существа. Отрицательные эмоции, причиняющие душевную боль, охотно *грызут, терзают, гложут, сосут, кусают, жалят, впиваются в сердце, колют, ранят, точат, пронзают сердце, режут по сердцу, жгут* [2: 106]. Использование образов живых существ и растений как источника метафоры при описании отрицательных эмоций основано на принципах антропо- и зооморфизма (см. об этом подробнее у Н. Д. Арутюновой [2: 336]), широко используемых по отношению к лексике, сочетающейся с именами эмоций. В общенародном языке последовательно используются метафорические переносы наименований различных животных для выражения эмоций. Это, как правило, либо хищник, либо существо, способное отравить (укусить, ужалить), – змея, скорпион: *Щеки его ярко горели, а на лице ясно рисовалась какая-то как будто с цепи сорвавшаяся злость, готовая истерзать первого встречного* (А. Левитов.

Степная дорога днем); *Изображают вечность змеей, грызущей свой хвост*, – точно так же изобразил бы я гнев... он тоже поглощает сам себя; крайности слиты и в нем (А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»); *Скорпиону, как бывает и с людьми, составили совершенно незаслуженную репутацию злости: он жалит, повинуясь чувству самосохранения, только в таком случае, когда сам считает себя в опасности, будучи придавлен или остановлен на бегу* (Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера).

У Ф.М. Достоевского: *Во всяком человеке конечно таится зверь, – зверь гневливости, зверь сладострастной распалённости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу спущенного с цепи, зверь нажитых в разврате болезней, подагр, больных печенок и проч.* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Но наиболее яркое отражение в творчестве писателя находят метафорические переносы наименований ядовитых насекомых, а также сравнения с ними: *Раз, брат, меня фаланга укусила, я две недели от нее в жару пролежал; ну так вот и теперь вдруг за сердце, слышу, укусила фаланга, злое-то насекомое, понимаешь?* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Казалось бы и борьбы не могло уже быть никакой: именно бы поступить как клопу, как злому тарантулу, безо всякого сожаления...* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Становление эмоции в каком-то временном промежутке, ее постепенное нарастание, а также способность оставлять след в душе человека лежат в основе другого метафорического переноса – переноса наименования растений, а также слов зерно, корень и т. п.: *Он ближе узнавал Триродова, – и ненависть уже теряла прежнюю остроту, не жгла крапивою злости, как прежде* (Ф. Сологуб. Капли крови (Навьи чары)); *Кабы он был человек легкий: сорвал с своего сердца, да и забыл про то; а он теперь, коли против какого человека гнев имеет, так он у него, как крапива садовая, с каждым часом и днем растет да пуце жжется* (А. Писемский. Горькая судьбина); *Но в напоенной кровью земле зрели зерна гнева и мести* (А. Веселый. Россия, кровью умытая); *Вот где корни любви и гнева, проникающие поэзию Некрасова, вот первоначальный источник его любви и сострадания к «Орине – матери*

солдатской» и к «некрутиковой жене», – сочувствия тяжкому горю русской женщины, когда она, выполняя святой подвиг, едет «во глубину сибирских руд» к сосланному мужу или когда она не в силах забыть своих детей, погибших на кровавой ниве... (А. Кони. Мотивы и приемы творчества Некрасова).

Такие метафорические переносы не встретились в произведениях Ф.М. Достоевского.

Гнев, злоба, злость как отрицательные, вредоносные чувства могут уподобляться болезни: *Блеск золота не излечивал его от гнева, и когда прочли его записки, оказалось, что лишь одна печаль омрачала его сердце* (В. Дорошевич. Сказки и легенды).

В русском языке распространена сочетаемость имен эмоций с существительным *припадок*, что находит отражение в произведениях Ф.М. Достоевского: *Я тотчас же раскаялся, что напугал ее, заставил считать часы, и проклял себя за припадок злости* (Ф. Достоевский. Белые ночи).

Менее последователен в своем выражении в языке метафорический перенос, основанный на ассоциации гнева с оружием: *Мы всеусердно бога молим и просим, да отвратит впредь меч гнева своего от врученной нам его же премудрым промыслом империи, да восстановит паки повсюду мирное и безмятежное житие, и да укрепит всех, в оной живущих, наших верноподданных и нас самих во всех ему творцу угодных христианских добродетелях* ([Екатерина II]. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту); *...есть то одно место, на которое падают стрелы гнева Божия* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Казанския Богородицы); *В этой земле, на которую обращено лезвие меча твоего гнева, – ныне есть угнетатели и угнетенные* (В. Короленко. Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды); *Братия перекорялась, кому идти первому, и все подталкивали друг друга, а свою голову под игуменский гнев никому не хотелось подставлять* (Д. Мамин-Сибиряк. Охонины брови).

При анализе материала были также отмечены переносы, основанные на уподоблении чувства гнева орудию труда (инструменту): *И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в ве-*

ликое *точило гнева Божия* (Откровение Иоанна Богослова: синодальный перевод); *Так беглый диакон, чудесное орудие гнева Небесного, под именем царя российского готовился предать Россию, с ее величием и православием, в добычу иезуитам и ляхам!* (Н. Карамзин. История государства Российского: Том II); *Пред серпом гнева божия мы все, как трава в поле...* (Д. Мамин-Сибиряк. Верный раб).

Ассоциации с оружием и орудием характерны только для эмоции гнева.

В творчестве Ф. М. Достоевского эмоция гнева репрезентируется при помощи метафорических переносов, источником которых является образ жара, стихии и живого существа. Перечень образов, используемых для описания эмоций злобы и злости, значительно шире. Следовательно, несмотря на близость семантики слов *злоба* и *злость* к существительному *гнев* (обозначают чувство раздражения, возмущения), они имеют отличия в концептуализации обозначаемых ими эмоций.

Выражение отрицательных эмоций в произведениях Ф. М. Достоевского происходит при помощи средств, характерных для общенародного языка. Однако концептуализация чувств гнева, злобы, злости в творчестве писателя имеет своеобразие: это проявляется в наличии положительных коннотаций при описании эмоции гнева, использовании Ф. М. Достоевским ряда излюбленных образов (жар, жидкость, насекомое, голод и жажда).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян В. Ю. Семантические типы эмоцио-

нальных метафор // Эмоции в языке и речи. Сборник статей. Составитель И. А. Шаронов. – М., 2006.

2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.
3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1978. № 4. – С. 333-343.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
5. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства Том I Народная поэзия. http://i-u.ru/biblio/archive/buslaev_ist/00.aspx
6. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М., 1991.
7. Седов К. Ф. О некоторых особенностях повествовательной структуры романа Ф. М. Достоевского «Бесы» // Филолог. науки. – 1989. – № 6. – С. 20-24.

N. Melnichenko

METAPHORICAL DESCRIPTION OF NEGATIVE EMOTIONS IN THE PENCRAFT OF F. DOSTOYEVSKY

Abstract: There are different and contradictory images in the base of metaphors, used in the language for description of negative emotions. The image of ardour, flame is the most widespread in the pencraft of F. Dostoyevsky, as well as in the nation-wide language. But there are some peculiarities in the conceptualization of negative emotions, such as positive connotations in the description of anger, some favourite images, etc.

Key words: metaphor, pencraft, concept, conceptualization.

УДК 81'367.332.7

Мишланов В. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРОЦЕССА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы актуализации понятия процесса, адвербиальной валентности и семантики временных форм. Адвербиалии времени используются для локализации глагола

и его количественного определения. Они выражают характер определенности действия и являются облигаторным компонентом предложения.

Ключевые слова: актуализация, процесс, адвербиальная валентность, семантика временных форм.

* © Мишланов В. В.